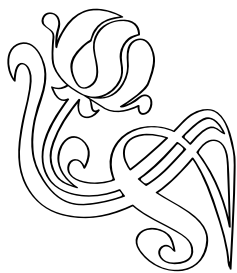

Елена
Бриолле

АККОРДЫ СМЕРТИ В ЛЯ МАЖОРЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Редактор серии *Екатерина Ирмеш*
Оформление серии *Анастасии Зининой*

Бриолле, Елена.

Б87   Аккорды смерти в ля мажоре / Елена Бриолле. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-217209-0

1912 год. В Анже во время авангардного концерта погибает знаменитая певица, а с Эйфелевой башни прыгает настройщик пианино. Общество взбудоражено. Над страной уже звучат звуки смертоносного вальса, где каждый аккорд может стать последним. Дело поручают Габриэлю Лемуару, но сыщик страдает от ран прошлого, а его помощница не слышит музыку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бриолле Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-217209-0

1. Крови блѣклый цвет

Анже, 17 июня 1912 г., понедельник

Луи-Жозеф Баро всегда был открыт новым идеям. Когда ты всю молодость служишь военным врачом в Сенегале, Судане и в Береге Слоновой Кости, без этого никак. Баро считал себя немного философом, немного писателем и хотел служить примером свободомыслящего человека.

В своём «Практическом путеводителе европейца в Западной Африке» он писал, что «европеец, особенно если он живёт там впервые, слишком часто начинает вести себя с чёрными как конкистадор, в то время как мы в первую очередь должны брать на себя роль учителей и защитников». Он говорил, что в Африке белый человек должен знать всё: право, военное искусство, медицину, ботанику, геологию, сельское хозяйство, потому что здесь он проходит экзамен в школе индивидуальной и социальной инициативы. Куда бы европеец ни приходил просить ночлега, его встречал предводитель деревни и дарил ему курицу, яйца, молоко или овощи, протягивая руку дружбы. Луи Баро ценил гостеприимство и открытость чернокожих и призывал французов к справедливости в отношениях с местным населением. Например, чтобы не заразиться нехорошей болезнью и заручиться уважением окружающих, холостым европейцам он советовал завести в Африке одну временную чёрную супругу. Так можно было и язык побыстрее выучить, и «не впасть в алкоголизм или сексуальный дебош».

Его книги и призывы к пробуждению лучших человеческих качеств во французских колонизаторах оконча-

тельно поставили крест на карьере, но открыли перед Баро двери франкмасонской ложи «Право человека» в городе Анже, а уже затем и двери власти в этой древней столице провинции. 19 мая Луи-Жозеф Баро стал мэром города. Теперь «чистота воздуха» здесь зависела от него. И он решил, что это будет воздух свободных искусств и филантропии. Через месяц после официальной церемонии инвеституры Баро пригласил всех жителей на серию концертов Изольды Понс. О её сопрано ходили легенды.

Сегодня на последнее выступление парижской этуали собрались все главные шишки города. Большой театр Анже переливался позолотой стен, а рубины на ожерельях дам вторили кровавым креслам. На сцене слева стоял рояль, а справа — белоснежная Изольда Понс. Баро ухмылялся в свои пышные усы и бороду, наблюдая за тем, какой эффект производил голос певицы. Нет, она не исполняла классику. В этом пункте Баро ещё больше удивил публику. Изольда Понс исполняла совершенно революционное сочинение Арнольда Шёнберга «Лунный Пьеро».

Если бы не франкмасонские связи, то этот концерт никогда бы не увидел свет. Однако, по счастливому случаю, у Арнольда Шёнберга в Анже работал двоюродный брат — Ганс Шёнберг. Ганс был у мэра в долгу: тот обеспечил ему место главного администратора в новеньком «Отеле Франции». Отель только-только построили напротив вокзала, и для управления отелем требовалось твёрдая рука. Баро пригласил Ганса Шёнберга, а тот, в свою очередь, попросил брата выслать ему партитуру «Лунного Пьеро». Иначе Изольда Понс никогда бы не согласилась выступать в провинциальном театре с классическим, избитым репертуаром. Надо же обеспечивать жителям города равный доступ к самым передовым культурным течениям. Баро снова нахохлился и подмигнул своей супруге.

Концерт подходил к концу, и скоро мэр будет принимать поздравления и благодарности. Все сборы от концерта он как расчётливый политик отправит на открытие «Отеля Франции», а часть — хотя в газетах напишут, что все сборы, — пойдёт на благотворительность. Журналисты уже выслали ему черновики своих статей о том, что средства определяют на нужды инвалидов войны. Республиканский строй требовал подробного отчёта о расходах.

До Арнольда Шёнберга ещё никто не творил ничего более необычного. Композитор написал музыку к серии стихотворений французского поэта Альбера Жиро так, чтобы у певицы была полная свобода самовыражения. «Лунного Пьеро» можно было исполнять речитативом, а где-то пропевать. Изольда Понс сразу поняла весь потенциал этой современной постановки! Она решила стать первой, кто исполнит «Лунного Пьеро» во Франции, и даже отказ участвовать в этом «лицедействе» её импресарио Фабио Крига не остановил Изольду. Баро не пришлось её долго уговаривать.

На сцене певица облачилась в костюм Пьеро. Он был сшит в виде японского мужского кимоно. В руках она держала веер. Из складок кимоно на каждое стихотворение певица извлекала разные аксессуары. Голос её походил на волшебный заговор. Он то взлетал к гениям на расписном плафоне театра, то разбивался волнами по зрительному залу, то бежал за мелодией, то резал её контрастным речитативом. Эти модуляции голоса и нарочито театральные жесты певицы гипнотизировали публику, словно традиционный японский спектакль кабуки. Все чувствовали, что присутствуют на очень важном, непонятном представлении, но ни один зритель открыто бы не признался в том, что он не понимает. Здесь был Анже, а не Париж. Да и зачем что-то понимать, если сопрано мадемуазель Изольды проникает в самую душу?

Особым успехом с самого начала пользовалось стихотворение «Вальс Шопена»:

Точно бледный блёклый цвет
Крови на устах больного,
Проступает в этих звуках
Прелесть гибельных страстей.

Здесь Изольда Понс была особенно хороша. Она заканчивала с широко раскрытыми, безумными глазами и продолжала петь:

Дикий всплеск аккордов рушит
Лёд отчаяния и сна –
Словно бледный, блёклый цвет
Крови на устах больного.

Музыка играла громче. Изольда двигалась в такт и заламывала руки над головой, продолжая:

Пламя счастья, боль томленья,
Грусть утраты в хмуром вальсе –
Никогда не покидают,
Держат в плену мои мысли,
Точно крови блёклый цвет.

Наконец она замолкала, поднимала к лицу раскрытый веер и незаметно доставала из-за пояса нож. Веер падал, и Изольда резким движением делала вид, что перерезает себе горло.

Публика ликовала. Все кричали и хлопали в ладоши. Певица держала паузу, а затем плавно отводила руку от себя и кланялась, собирая всё новые и новые аплодисменты. Каждый вечер этот фокус повторялся с неизменным успехом.

Сегодня публика снова бисировала. Изольда кивнула аккомпаниатору, и Баро снова в предвкушении прижал к себе лорнет. Зазвучала музыка. Мелодия то и дело сливалась с голосом Изольды. Зал замер в ожидании

последних слов певицы. Наконец она проговорила: «Точно крови блёклый цвет» — и закрыла лицо веером, выдерживая паузу.

Зрители захлопали в ладоши. Кто-то свистнул, кто-то закричал «Браво!» С галёрки кто-то повторил последнюю музыкальную строку на губной гармошке.

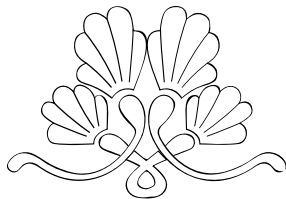
Изольда уронила веер, а затем с силой провела лезвием ножа по горлу. По шее потекла кровь. Певица всхлипнула и медленно опустилась на сцену вслед за своим японским веером. Зал взорвался аплодисментами.

Только Баро никак не мог отвести своего лорнета от сцены. Его словно парализовало. Бывший военный врач и мэр города Анже Луи-Жозеф Баро прекрасно видел, что Изольда перерезала себе горло по-настоящему, и никак не мог поверить своим глазам. Он отчаянно обвёл взглядом зрительный зал.

Неужели никто больше этого не заметил?

Он только месяц назад избран мэром города, а тут сразу такое безумие. Куда же податься? На кого рассчитывать? Местные полицейские умеют только бумаги подписывать. Жандармы? Тоже нет. Эти только распугают всех. Разве что... Недавно из Парижа прислали к ним агента префектуры полиции и оформили тренером по боксу. Он не местный и, говорят, имеет большой опыт в таких деликатных делах. Раскрыл много преступлений в столице, а здесь ведёт аскетический образ жизни. Горе у него какое-то случилось.

Из-за прилива крови к вискам Баро совсем разнервничался. Как же зовут этого парижанина? Ах да! Мсье Лемуар!

2. В плену своих мыслей

Накануне представления

Мадлен как можно ниже опустила на глаза козырёк своей форменной фуражки и, опустив голову, перешла площадь собора Святого Маврикия до жандармерии. Сегодня это был самый опасный участок: если заметят, что она надела отцовскую форму почтальона, то ей недобровать. Хорошо ещё, что мундир зелёного цвета с красной окантовкой и позолоченными пуговицами был трёхлетним и не бросался в глаза своей поношенностью. Мадлен всегда помогала отцу за ним следить: чистила кокарду на фуражке, подшивала оторвавшийся кант на рукавах, натирала до блеска козырёк. Если бы в почтальоны брали женщин, то из неё вышел бы образцовый служащий! Она знала все улицы старого города и никогда бы не останавливалась пропустить стаканчик-другой в местных рюмочных во время разноса писем по своему круговому маршруту, как делали все остальные. Но женщины для этой работы считались слабым полом, и их в почтальоны не брали.

Новый мэр Анже Луи Баро обещал дать больше прав женщинам, но вот только когда? У Мадлен не было времени ждать официального разрешения.

Она засеменила к почтовому ящику жандармерии и быстро засунула туда пачку писем. Ух, пронесло! Сегодня охранник её не окликнул, чтобы отдать исходящие письма. Мадлен уже собралась было уходить, как её взгляд остановился в глубине двора. Пока трое жандармов отдыхали от тренировки по французскому боксу, какой-то усач с взъерошенными волосами отбивал

ритм кулаками в висевший перед ним потёртый мешок с песком. Мадлен уже слышала, что в Анже перевели парижского сыщика по фамилии Ленуар. Кажется, отец рассказывал, что он распутывал самые сложные дела, но в последний раз что-то пошло не так, и этот парижский агент префектуры полиции потерял свою возлюбленную¹. Её то ли зарезали, то ли застрелили прямо у него на глазах. И с тех пор Ленуара перевели из Парижа в Анже. Как будто у них в городе никогда никого не убивают... Ещё как убивают! Только расследовать — не расследуют. Убийцей всегда оказывается кто-то из близких.

Мадлен знала обо всех громких происшествиях в городе. Когда твой отец работает почтальоном, обо всём узнаёшь раньше, чем об этом напишут в утренних газетах. Вот и про Ленуара отец ей уже рассказал, что тот не занимается теперь расследованиями, почти ни с кем не говорит, а всё время проводит здесь, сражаясь с мешком песка.

* * *

Ленуар ещё пару раз ударил по мешку. Затем остановился, с удивлением рассматривая свои руки. Кожа на костяшках пальцев стёрлась, и теперь они оставляли на мешке кровавые следы. Ленуар подошёл к бочке с водой и вылил воду сначала на руки, затем на свои иссиня-чёрные волосы, и обернулся.

Мадлен вздрогнула от взгляда его невидящих глаз и поспешила отойти в сторону от входа. Надо спешить. Осталось ещё разнести почту по улицам Соборного квартала. Зачем она вообще здесь замешкалась? Что, если этот странный парижанин заметил, что на него загляделась девушка, а не почтальон?

---

¹ Читайте об этом в романе Елены Бриолле «Танец фавна».

Соборный квартал пролегал между замком Анже и собором Святого Маврикия. Его заселяли священнослужители, учителя семинарии, а также жители города, унаследовавшие от своих родителей старые частные дома. Обычно днём здесь было тихо, только дети иногда играли в стеклянные шарики да в колесо. А ночью в этот квартал с его узкими кривыми улочками простые жители Анже предпочитали не ходить. Ночью квартал держали под своим контролем владельцы рюмочных и корзинщики.

Корзинщиками называли семью Нонкеров, в которой уродилось семеро сыновей. О них по городу ходили разные слухи. Старший за баловство уже успел побывать на каторге, а у третьего, Жан-Пьера, — Мадлен сама видела — был сломан нос и порвано левое ухо.

Они держали лавку на улице Донадьё де Пюишарика, перегораживая спуск от собора к реке своими корзинками, плетёными стульями и шляпами из лозы и соломы.

Мадлен опасалась этих парней, но сегодня отступать было поздно. Осталось отнести письма на улицу Святого Павла, и можно было спокойно возвращаться домой в Дутр. Вот только дорога домой проходила мимо корзинщиков. Ну да ладно, Мадлен ещё раз натянула фуражку на глаза и пошла к спуску. Обычно улицы в это время пусты. Все жители Соборного квартала на вечерней службе. Авось пронесёт и ей не придётся иметь дело с Нонкерами.

То, что корзинщики на улице, она увидела ещё издалека. Сегодня плели сиденья для стульев только самые младшие братья Нонкеры. Старшие курили грязные папиросы и о чём-то тихо переговаривались. Мадлен ускорила шаг, чтобы пройти быстрее. Только бы они её не позвали. Только бы не позвали. Мадлен уже прошла мимо лавки, когда услышала за спиной голос:

— Эй, господин почтальон, а господин почтальон!
Про нас забыли?

Мадлен замешкалась, но, когда снова сделала шаг вперёд, ей на плечо опустилась чья-то тяжёлая рука.

— Ты что, оглох? — Лицо Мадлен обдало запахом дешёвого пойла. У неё перехватило дыхание. — А наши письма?

Старший корзинщик в этот момент быстро открыл сумку Мадлен и бросил туда свой непотушенный окурок.

— Что ты делаешь? — воскликнула девушка, быстро раскрывая сумку. — Там же письма могут сгореть! Тогда отцу придётся платить большой штраф! — Окурок никак не удавалось достать голыми руками...

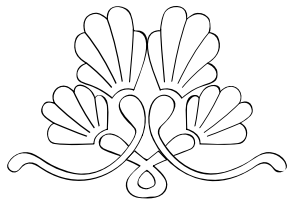
— Ой, а кто это у нас? — загудел насмешливым голосом один из корзинщиков и заглянул под фуражку Мадлен. — У-тю-тю! Так это не почтальон, а мамзель!

При этом он сорвал с головы девушки фуражку с кокардой и красным кантом и бросил её своему брату. Волосы Мадлен, которые она так долго сегодня утром прикалывала к фуражке, рассыпались на плечи.

— О-о! Посмотрите, какая у нас тут цыпочка! — прогремел ей в ухо голос Жан-Пьера.

Девушка дёрнулась за фуражкой, но тут же упёрлась в грудь самому старшему из братьев. Но его фартуке краснели пятна засохшей крови и грязные разводы.

— Здравствуй, Мадлен! — прохрипел он. — Куда ты так спешишь?

3. Ожившее наваждение

Кровь на пальцах от тёплой крови Николь.

Вспышка.

Бам-бам!

«Я люблю тебя», — шепчут её губы.

Бам-бам!

Ленуар удар за ударом пытался выбить из головы воспоминания и боль.

Бам-бам!

Его руки ударяли по песку, а на пальцах алела кровь. В животе всё переворачивалось, и Ленуар с силой обрушивался на самого себя через этот ненавистный, равнодушный песок. Она касалась его ещё тёплыми пальцами, а потом они постепенно застывали. Как и губы Николь над растерзанным горлом. Он не смог её спасти. Как не смог когда-то спасти Элизу.

Бам-бам!

В голове всё взрывалось, и Ленуар молился о том, чтобы силы отпустили его, чтобы земля забрала его и боль отступила.

Элизе было семнадцать лет, когда ему сказали, что его любимая прыгнула с крыши отеля «Лютеция». Сказали, что это был просто несчастный случай. Администратор выпроводил его из отеля. Он сказал, что такое иногда бывает. Он сказал, что, возможно, Элиза бросилась с крыши из-за несчастной любви, что, возможно, он, Ленуар, её чем-то обидел. Он сказал, что девушка разбила себе лицо, проломив череп при ударе об асфальт во дворе отеля. Сколько бы Ленуар тогда ни просил показать ему тело Элизы, сколько бы ни умолял, чтобы начали расследовать это дело, дирекция отеля и полицей-

ские только хмурились в ответ и повторяли, что такие случаи бывают, чтобы он крепился, что они очень сожалеют, но девушка шагнула с крыши самостоятельно.

Бам-бам!

Ленуар чувствовал себя таким же беспомощным, как тогда, в свои семнадцать лет.

Бам! Бам-бам-бам!

Перед глазами всё начинало двоиться. Агент парижской префектуры полиции из бригады краж и убийств, блестящий сыщик, распутывающий самые сложные дела в столице Франции, приехал в Анже, на родину своих предков, герцогов Анжуйских, в надежде либо найти свой путь, либо сдохнуть, опустившись в отцовский склеп.

Марсель Пизон, его начальник, уговаривал его остаться в Париже, чтобы тот забылся в работе, но Ленуар словно впал в спячку, становясь с каждым днём всё более профнепригодным для сыска. Тогда Пизон написал ходатайство, чтобы Ленуара временно взяли инструктором по французскому боксу в жандармерию Анже. В конце концов, спорт лечит. Однако с тех пор Ленуар боксировал больше по-английски — нанося удары только перед собой, борясь со своими внутренними кошмарами и проигрывая в этой битве свою душу. Бам!

Ленуар развернулся. Ему показалось, что на него кто-то смотрит. Молоденький почтальон, на котором мешком висела униформа. Элиза?! Нет, это девушка, но не Элиза. Почтальон вздрогнул и скрылся за воротами. Ленуар ещё раз опустил руки в ведро колодезной воды, затем вылил её на голову. Приступ боли отступил. Почему эта девушка переделась в униформу почтальона? Куда она пошла? Она напомнила ему Элизу.

Ленуар перевязал бинтами руки и пошёл в том же направлении, что и самозванка. В конце дня он всё равно спускался к берегу реки Мен. Вид на старый порт на